

Диана
Фурсова

Алекарка
Тайной канцелярии
РАЗВОД С ГЕНЕРАЛОМ-ДРАКОНОМ

Диана Фурсова

**Лекарка Тайной канцелярии.
Развод с генералом-драконом**

«Литнет»

2026

Фурсова Д.

Лекарка Тайной канцелярии. Развод с генералом-драконом /
Д. Фурсова — «Литнет», 2026

В день, когда генерал-дракон Арден Вальк публично объявил о разводе, Элина думала, что хуже унижения уже ничего не будет, но она ошиблась. В ту же ночь во дворцовой часовне находят тело чиновника Тайной канцелярии. В руке мертвеца - оттиск ее личной печати. Теперь Элина не просто брошенная жена, а главная подозреваемая в деле об измене и убийстве. Чтобы спасти себя, ей приходится работать на Тайную канцелярию и вести расследование бок о бок с бывшим мужем - мужчиной, который разбил ей сердце и, кажется, скрывает о смерти куда больше, чем говорит. Но чем глубже Элина копает, тем страшнее становится правда: убийца охотится не только за документами, а за людьми, пережившими старое преступление, которое много лет прикрывали ради короны. И если она не успеет первой назвать правду правдой, следующей жертвой станет она сама.

© Фурсова Д., 2026
© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Развод при свидетелях	5
Глава 2. Приказ, от которого нельзя отказаться	12
Глава 3. Пепел на когтях	20
Глава 4. Бывшие супруги под одной крышей	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глава 1. Развод при свидетелях

О том, что эту ночь она запомнит до самой смерти, Элина поняла в тот миг, когда музыка в бальном зале оборвалась на полувздохе.

До этого вечер тянулся почти безупречно. Под сводами Императорского дворца дрожали золотые огни, тяжелые люстры отбрасывали на мраморный пол ломкие блики, и все вокруг было соткано из победы: знамена с гербами северных полков, шелест дорогих тканей, холодное сияние орденов на мундирах, запах белых лилий, поставленных в высоких вазах у колонн. Сегодня чествовали армию. Сегодня чествовали Ардена Валька.

Генерала-дракона.

Ее мужа.

Пока еще.

Элина стояла у края зала, чуть в стороне от круга смеющихся дам, и смотрела, как свет скользит по его плечам. Высокий, неподвижный, с выправкой человека, которого не согнули ни война, ни двор, Арден будто не принадлежал шумному празднику. На нем был черный мундир с серебряным шитьем, на груди — награды, которые другие мужчины носили бы с гордой жадностью, а он словно вовсе не замечал. Лицо его оставалось спокойным, даже слишком спокойным для человека, ради которого играли трубы и поднимали бокалы.

Элина слишком хорошо знала эту неподвижность. Она всегда означала одно: Арден уже принял решение и теперь просто ждал удобного момента, чтобы его озвучить.

От этой мысли по спине пробежал холодок, хотя в зале было душно.

— Вы сегодня бледны, леди Вальк, — заметила стоявшая рядом маркиза Эннери, пряча любопытство за улыбкой. — Устали от славы супруга?

Элина повернула голову и ответила тем тоном, который годами спасал ее от светской назойливости:

— Слава утомляет только тех, кто считает ее своей.

Маркиза тихо хмыкнула, не то одобряя, не то примеряясь к новой колкости. Но продолжить не успела.

На возвышении у трона император поднял руку. Музыканты немедленно умолкли, голоса рассыпались, как стекло, и сотни взглядов обратились вверх. Император сказал несколько положенных фраз о верности короне, о доблести и служении державе. Зал внимал ему с той старательной почтительностью, какую умеют изображать только при дворе.

Потом прозвучало имя Ардена Валька.

Он поднялся по ступеням легко, почти бесшумно. Поклонился. Принял из рук императора наградную цепь. Кто-то зааплодировал первым — и тут же захлопал весь зал. Элина тоже подняла ладони, хотя пальцы у нее уже начали мерзнуть.

Арден не должен был говорить. По дворцовому обычаю ему достаточно было поблагодарить монарха и отступить на место. Но он остался стоять.

Император, похоже, это тоже понял. На секунду в зале возникло то редкое, почти животное напряжение, когда множество людей одновременно чувствуют чужую беду, еще не зная ее сути.

Арден повернул голову и посмотрел прямо туда, где стояла Элина.

Он не искал ее глазами. Он знал, где она.

Семь лет брака не проходят бесследно, даже если последние два из них прожиты почти в молчании.

— Ваше величество, — произнес он, и его низкий голос без усилия достиг самых дальних стен. — С позволения короны я прошу засвидетельствовать мое решение.

На слове «засвидетельствовать» у Элины внутри все сжалось.

Она не опустила взгляд. Не сделала ни шагу назад. Только пальцы сами собой стиснули веер так сильно, что тонкая кость жалобно скрипнула.

— Мой долг перед империей остается неизменным, — продолжал Арден. — Но дом, в котором нет доверия, не должен сохраняться лишь ради приличий. Посему я объявляю: с этой ночи мой брак с Элиной Вальк считаю прекращенным. Все необходимые бумаги будут поданы в канцелярию до рассвета.

Слова упали в зал не сразу. Сперва — тишина. Потом чей-то испуганный вдох. Потом шелест — быстрый, жадный, недоверчивый, как огонь, бегущий по сухой траве.

Элина услышала этот шелест прежде, чем осознала сами слова.

Развод.

Публично.

При императоре, при дворе, при тех, кто завтра же разнесет эту новость по столице.

У нее было странное ощущение, будто пол под ногами не качнулся, не ушел, а, напротив, застыл мертвее прежнего. Унижение пришло не жаром, а ледяной ясностью. Вот, значит, как. Не письмо. Не разговор за закрытой дверью. Не последняя попытка сказать ей правду, которой он так упорно избегал все последние месяцы.

Нет. Арден выбрал площадь.

Она медленно раскрыла веер. Так же медленно закрыла его вновь. Сердце билось глухо, тяжело, будто через толщу воды.

Император не сразу ответил. На его лице промелькнуло раздражение человека, которого вынудили стать свидетелем частного позора, пусть и весьма полезного для двора. Потом он перевел взгляд на Элину.

— Леди Вальк, — произнес он сухо, — вам есть что возразить?

На них смотрели все.

Ей было достаточно открыть рот и сказать правду — любую из тех правд, что жгли ее последние месяцы. Что Арден охладел к ней задолго до войны. Что в его доме стало больше приказов, чем слов. Что он закрывал перед ней двери, за которыми скрывалось нечто большее, чем обычные государственные дела. Что она устала жить возле человека, которому доверяла свою жизнь, но не могла доверить собственное сердце.

Она могла бы уколоть его здесь, на глазах у всего двора. Могла бы заставить зал ахнуть во второй раз.

Но не сделала этого.

Потому что среди сотни лиц видела только одно. И на этом лице не было злорадства.

Только усталость.

И что-то еще, чему она пока не находила имени.

Элина сделала шаг вперед. Выпрямилась.

— Нет, ваше величество, — сказала она ясно. — Генерал волен распоряжаться своей честью по собственному разумению. Я же распоряжусь своей — сама.

По залу прошел новый, уже другой шепот. Чья-то дама у колонны поспешно отвела глаза, словно ей стало неловко. Кто-то, напротив, подался вперед, надеясь на продолжение.

Но продолжения не последовало.

Император кивнул с ленивой милостью человека, для которого чужие семейные катастрофы — всего лишь пятна на скатерти.

— Стало быть, вопрос исчерпан.

Музыка не заиграла сразу. Сначала Арден поклонился. Спустился по ступеням. Прошел мимо Элины так близко, что она уловила знакомый запах морозного ветра и металла, въевшийся в его кожу после северной кампании. Он не задержался. Не сказал ни слова. Только, проходя, на долю мгновения замедлил шаг.

Этого мгновения хватило, чтобы она заметила: у него сжаты челюсти. Так сжаты, будто он едва удерживал что-то за гранью.

Вот только теперь это уже ничего не меняло.

— Какая жестокость, — выдохнула маркиза Эннери где-то слева.

— Какая смелость, — шепнул кто-то справа.

Элина не ответила никому.

Она шла сквозь расступавшуюся толпу с прямой спиной и спокойным лицом, которым когда-то пугала молодых ассистентов в лечебнице. Там, под этим лицом, жила боль — живая, яркая, режущая. Но показывать ее она не собиралась никому.

Почти у выхода дорогу ей преградила баронесса Ливен, старшая фрейлина императрицы.

— Леди Вальк, — проговорила она с сочувствием, от которого хотелось отшатнуться. — Если вам нужна сопровод...

— Нет.

Элина произнесла это мягко, но так, что баронесса отступила сама.

Она уже почти дошла до галереи, где воздух был свежее и тише, когда за ее спиной раздался торопливый стук каблуков.

— Леди Вальк! Леди Вальк, подождите!

Голос принадлежал юному пажу в темно-синей дворцовой ливрее. Мальчишка запыхался так, будто бежал через половину дворца.

Элина остановилась.

— Что случилось?

Он поклонился слишком резко, едва не уронив с головы берет.

— Вас требует лорд-комиссар Тайной канцелярии. Немедленно. Во дворцовую часовню.

Элина нахмурилась.

— Зачем?

Паж сглотнул.

— Там... там нашли тело, миледи.

Она почувствовала, как за спиной снова начинает дышать зал — слухами, жадностью, ожиданием новой драмы.

— Я больше не придворный лекарь, — ровно сказала Элина. — Есть дежурная служба.

— Лорд-комиссар назвал вас по имени, миледи, — прошептал мальчик, глядя куда-то ей в плечо. — Он велел передать, что дело срочное. И... что это касается вас лично.

На одно короткое мгновение она подумала, что хуже сегодняшнего вечера уже ничего быть не может.

Жизнь немедленно доказала обратное.

Часовня располагалась в восточном крыле дворца, в стороне от парадных анфилад. Туда редко заглядывали в разгар праздников. Под высокими сводами всегда пахло воском, старым камнем и чем-то неуловимо холодным, будто стены веками хранили чужие молитвы и не желали отдавать их живым.

Когда Элина вошла, у дверей уже стояли двое стражей Тайной канцелярии — в серых мундирах без гербов. Такие люди не повышали голоса и не сплетничали. Они просто запомнили все.

Один из них шагнул навстречу, коротко поклонился и отступил, пропуская ее внутрь.

В часовне было полутемно. Горели только настенные лампы да несколько свечей у алтаря. Их света едва хватало, чтобы различить лица.

Лорд-комиссар Рейнар Терс стоял у передних скамей, сложив руки за спиной. Высокий, худой, с сухим резким лицом, он походил не на чиновника, а на клинок, который слишком долго держали в ножнах. При виде Элины он не выразил ни любопытства, ни сочувствия к ее недавнему позору.

За это она почти была ему благодарна.

— Леди Вальк, — сказал он. — Прошу прощения за обстоятельства.

— Не стоит, лорд-комиссар. Они и без того выдались богатыми на неожиданности.

Уголок его рта чуть дернулся, но это нельзя было назвать улыбкой.

— Нам нужно ваше мнение как судебной лекарки.

— Здесь есть смерть, — ответила Элина, подходя ближе. — Судя по тому, что вы вызвали меня, не слишком простая.

Только теперь она увидела тело.

Мужчина лежал на каменном полу возле второго ряда скамей, на боку, словно упал и не успел даже выставить руку. На темном кафтане темнело почти черное пятно засохшей крови. Волосы были влажными, будто его недавно вынесли из-под дождя, хотя ночь стояла сухая. Одну ладонь он сжал в кулак.

Элина уже присела рядом, когда заметила сапоги у противоположной стены.

Черные. Военные. Знакомые до боли.

Она подняла взгляд.

Арден стоял в тени колонны, чуть в стороне от остальных. Его лицо было непроницаемым, но внимательный человек заметил бы напряжение в плечах и то, как неподвижно он держал руки — будто любое лишнее движение могло обернуться ошибкой.

Значит, и он здесь.

Конечно.

Она отвернулась первой. Сейчас ей нужен был труп, а не бывший муж.

— Кто это? — спросила Элина, расстегивая на запястье тонкую перчатку.

— Секретарь второго отдела Канцелярии Ивар Меллен, — ответил Терс. — Доставлял бумаги особой важности.

— Кто обнаружил тело?

— Дьякон часовни. Утверждает, что услышал стук, но, когда вошел, человек был уже мертв.

Элина кивнула. Подняла свечу ближе. Осторожно коснулась шеи убитого, потом осмотрела висок, зрачки, губы. Внимательно провела пальцами вдоль воротника и линии челюсти. Кожа под ногтями мужчины была сероватой. На правом запястье виднелся узкий след ожога — не обычного, а магического, словно кожу прижгло силой.

— Смерть наступила недавно, — тихо сказала она. — Не более получаса назад. Рана на груди глубокая, но не она была первой причиной. Посмотрите на зрачки. И на пальцы. Его обездвижили магическим ударом еще до того, как пронзили ножом.

— Яд? — спросил Терс.

— Нет. По крайней мере, не из тех, что убивают так быстро и не оставляют более явных следов. — Элина осторожно разжала мертвую ладонь и нахмурилась. — Он что-то держал.

На камень упала крошка красного воска.

Элина замерла.

Не потому, что воск сам по себе мог что-то значить. Мало ли печатей при дворе. Но оттенок... глубокий, с темным рубиновым отливом. Такой воск она заказывала только для личной врачебной печати, когда получила право заверять заключения в столичной лечебнице.

Нет.

Этого не может быть.

Она подняла голову.

— Дайте света.

Один из стражей шагнул ближе с лампой. Элина перевернула руку убитого еще немного, освобождая из складок пальцев то, что тот стискивал перед смертью.

Это была не крошка.

Это была сломанная сургучная печать на обрывке узкой черной ленты.
На печати отчетливо проступал оттиск: распустившая крылья цапля над чашей.
Ее знак.
Ее личная печать.

На миг часовня поплыла у Элины перед глазами — не из-за страха, а из-за той ледяной точности, с которой мир вдруг перестроился вокруг одного крошечного предмета. Еще час назад она была просто женщиной, которую унизили публичным разводом. Сейчас она стояла над телом чиновника Тайной канцелярии, и в мертвой руке лежала улика, способная сделать ее подозреваемой прежде, чем она успеет вдохнуть.

— Это ведь ваша, леди Вальк? — тихо спросил Терс.

Элина выпрямилась не сразу.

— Да, — ответила она. — Мой знак.

В часовне стало так тихо, что было слышно, как трещит фитиль у дальней свечи.

— Вы уверены? — голос Ардена прозвучал впервые с тех пор, как она вошла.

Элина подняла на него глаза.

Он стоял уже не в тени. Лицо его оставалось собранным, но взгляд был слишком острым, слишком внимательным. Не судящим. Считающим.

Так он смотрел на поле боя.

— Да, — повторила она. — Это моя печать. Но я не понимаю, как она оказалась у него.

— Когда вы видели свои личные принадлежности в последний раз? — спросил Терс.

— Утром. Мой дорожный ларец был у меня дома. Я собиралась остаться у императрицы до окончания бала, потом вернуться.

— Кто имеет доступ к вашему дому?

— Слуги. Домоправительница. Архивариус, если забирает бумаги. — Элина заставила себя говорить спокойно, хотя внутри уже вовсю работала привычка к разбору: кто мог украсть печать, когда, зачем, почему именно сегодня. — Но печать не хранится на виду. Для этого нужно знать, где искать.

Арден сделал шаг ближе.

— Меллен доставлял документы особой важности, — сказал он, глядя не на нее, а на мертвого чиновника. — Если при нем была ваша печать, значит, он либо шел к вам, либо уже встретился с тем, кто хотел выставить вас замешанной.

— Какая щедрая мысль, — отозвалась Элина прежде, чем успела остановить себя. — Особенно для человека, который час назад публично от меня отрекся.

Терс перевел взгляд с одного на другого, но вмешиваться не стал.

Арден ответил не сразу.

— Сейчас не время, Элина.

Он произнес ее имя негромко, без привычной сухой отстраненности. И от этого стало только хуже.

— Напротив, — сказала она. — Время самое подходящее. Вы как раз избавились от неудобной жены, а теперь при покойнике обнаружили ее печать. Удивительное совпадение.

На мгновение ей показалось, что он вздрогнул. Не снаружи — глубже, там, куда посторонние не заглядывают.

Но когда Арден заговорил, голос его снова стал ровным:

— Если бы я хотел вашего падения, леди Вальк, мне не понадобились бы совпадения.

Жестко. Честно. Больно.

Элина отвела взгляд первой. Потому что за этой жесткостью, как ни странно, слышалась не угроза, а предупреждение.

Терс протянул руку, и она передала ему обрывок ленты с печатью. Тот осмотрел его, не прикасаясь к самому сургучу.

— Есть что-то еще? — спросил он.

Элина опустила на колено снова. Осмотрела воротник, внутреннюю сторону рукавов, сапоги. На левом рукаве у локтя заметила едва различимую пыль серебристого оттенка.

— Он падал не здесь, — сказала она через минуту. — На полу почти нет брызг. Его либо перенесли, либо он дошел сам уже после удара, но это маловероятно. И еще... — Она коснулась ткани у рукава. — Здесь след от порошка для архивных печатей. Такой используют в закрытых хранилищах, чтобы выявлять несанкционированное вскрытие документов.

Терс нахмурился.

— Значит, он был в архиве?

— Или рядом с тем, кто там работает. — Элина посмотрела на мертвое лицо. — И он держал печать так, будто хотел оставить ее не убийце. А тому, кто найдет тело.

— Вам? — спросил Арден.

Она встретила с ним глазами.

— Возможно.

И тут ее осенило.

Не мыслью — ощущением. Тем самым, которое приходило к ней над операционным столом за секунду до того, как пальцы находили скрытую причину боли. Что-то в этой картине было не просто неверным. Что-то было устроено именно для нее.

Публичный развод.

Срочный вызов.

Тело чиновника.

Ее печать у него в руке.

Слишком аккуратно. Слишком вовремя.

— Его привели сюда после бала, — тихо произнесла Элина. — Не раньше. Убийца хотел, чтобы тело обнаружили, пока еще все во дворце. Пока есть свидетели. Пока мое имя у всех на языке.

Терс ничего не сказал, но лицо у него потемнело.

— Кто знал, что вы сегодня будете во дворце? — спросил он.

Элина едва не рассмеялась от этой мрачной иронии.

— Вся столица, лорд-комиссар. Меня пригласили как жену человека, которого чествовали.

Человека, который решил уничтожить ее при всех.

Нет, не уничтожить. С этим все было сложнее, и оттого страшнее.

Страж у двери пошевелился, словно получив незримый знак. В часовню вошел еще один сотрудник Канцелярии и молча передал Терсу узкую записку. Тот развернул ее, прочел и поднял голову.

— Дом леди Вальк уже проверяют, — сказал он. — Замок на личном кабинете сорван.

Элина похолодела.

— Кто приказал?

Терс не ответил сразу.

— Я, — сказал Арден.

Она медленно выпрямилась.

— Вы не имеете права входить в мой дом без ордера Канцелярии.

— Когда находят убитого чиновника с вашей печатью, права становятся предметом толкования.

— Удобно.

— Безопасно.

Это слово ударило сильнее всего.

Потому что прозвучало слишком быстро. Слишком резко. Как будто вырвалось прежде, чем он успел его спрятать.

Элина всматривалась в лицо Ардена, пытаясь понять, что стоит за этой внезапной жесткостью. Желание ли защитить себя? Упреждающий удар? Или то самое не названное чувство, которое мелькнуло на возвышении, когда он объявлял развод так, будто резал не ее, а самого себя?

Она не успела спросить.

Терс сложил записку.

— Леди Вальк, с этого момента вы не покидаете дворец.

— Я никуда и не собиралась.

— Это не просьба.

Элина расправила плечи.

— Вы считаете меня подозреваемой?

Терс молчал, и за него ответил Арден.

— Считаю, — произнес он.

Она повернулась к нему всем телом. Часовня, свечи, мертвец на камне, шорох серых мундиров — все исчезло. Остался только он.

Тот самый человек, рядом с которым она когда-то училась не бояться будущего.

Тот самый человек, который только что лишил ее имени жены.

И теперь собирался лишить последнего, что у нее осталось, — права быть невиновной, пока не доказано обратное.

Но Арден не отвел взгляда.

— Арестовать леди Вальк, — приказал он.

И только Элина одна заметила, как на слове «арестовать» у него дрогнули пальцы.

Глава 2. Приказ, от которого нельзя отказаться

Стражи подошли к Элине не сразу.

Это было, пожалуй, самым унижительным: несколько коротких мгновений после приказа, когда все уже понимали, что произошло, но никто еще не двинулся с места. Лорд-комиссар Терс смотрел на нее с сухим, непреклонным вниманием. Серые мундиры у двери ждали. Арден стоял напротив, высокий, неподвижный, будто вырезанный из темного металла. И только тело Ивара Меллена на каменном полу часовни оставалось бесспорно мертвым, пока все остальное еще могло оказаться дурным сном.

Элина первой нарушила тишину.

— Надеюсь, генерал, вы удовлетворены, — сказала она спокойно. — Или для завершения этого вечера вы намерены зачитать обвинение при всем дворе?

Арден не ответил.

Но один из стражей, тот, что был старше, все же шагнул ближе и проговорил с заметной неловкостью:

— Миледи, прошу вас.

Он не протянул к ней рук. И наручников никто не достал.

Это она отметила сразу.

Не арест преступницы. Не задержание убийцы, которую боятся подпустить к двери. Скорее — поспешная изоляция, пока дело не разрослось в скандал, который уже не удержать. Мысль не принесла облегчения, но помогла собраться.

Элина медленно сняла вторую перчатку, сложила обе в ладони и подняла подбородок.

— Я пойду сама.

Терс коротко кивнул.

Арден так и не отвел от нее взгляда.

Она прошла мимо него, сохранив ровный шаг. Только когда оказалась рядом, слишком близко, чтобы не почувствовать знакомый холодный запах его мундира, он негромко произнес:

— Ни с кем не говорите.

Элина повернула к нему голову.

— Трогательная забота.

— Это не забота.

— Конечно. Теперь у вас все называется иначе.

Он на секунду сжал челюсти, но больше ничего не сказал.

Страж повел ее не к дворцовой тюрьме — и это она тоже заметила. Они миновали боковую галерею, затем узкий переход между восточным крылом и старой административной частью дворца, где в праздники было безлюдно. Здесь почти не слышно было музыки из балльного зала; только гул отдаленных голосов доходил приглушенной дрожью. Каменные стены дышали сыростью, лампы горели вполсилы, и шаги отдавались слишком отчетливо, будто напоминая ей: теперь каждый из них можно будет истолковать как угодно.

Комната, куда ее ввели, оказалась небольшим служебным кабинетом — не камерой. Здесь стояли письменный стол, два кресла, у стены узкий диван с жесткой спинкой и медный умывальник. На окне — тяжелая решетка, но не тюремная, а старая, декоративная, из тех, что ставили еще при прежнем императоре. На столе уже ждал кувшин с водой.

— Вы останетесь здесь, — сказал старший страж. — До распоряжения лорда-комиссара.

— Под охраной?

— Разумеется.

Элина усмехнулась без веселья.

— Я польщена.

Он явно хотел ответить, но передумал. Закрыл дверь снаружи, и в замке повернулся ключ.

Лишь тогда Элина позволила себе сесть.

Не рухнуть, не спрятать лицо в ладонях, не закрыться от мира — просто сесть. Она положила перчатки на стол, сняла с волос шпильку, потому что от тугой прически начинала болеть голова, и заставила себя дышать размеренно.

Публичный развод.

Тело чиновника.

Ее печать.

Арест по приказу мужа, который час назад уже успел стать бывшим.

Нет, не так.

По приказу генерала-дракона Ардена Валька.

Если она начнет называть его иначе в собственной голове, будет легче не сорваться.

Элина поднялась почти сразу. Бездействие было невыносимо. Она подошла к окну, провела пальцами по холодной решетке, оглянулась. Кабинет, как и все дворцовые помещения старой постройки, был устроен так, чтобы оставлять минимум личного пространства. Даже воздух в нем был казенным.

На столе лежал чистый лист бумаги и чернильница.

Она несколько секунд смотрела на них, потом отвернулась. Писать прошение императору? Кому? О чем? Что ее оклеветали слишком быстро? Что генерал, объявивший ей развод, теперь же объявил ее подозреваемой? Такая бумага до рассвета окажется не у монарха, а в чужих руках — и станет еще одной игрушкой против нее.

Нет. Пока у нее было только одно надежное орудие: собственный ум.

Она мысленно вернулась к телу Ивара Меллена. К влажным волосам. К серому налету под ногтями. К узкому ожогу на запястье. К серебристой пыли на рукаве. К почти полному отсутствию брызг на камнях часовни.

И к печати.

Печать не подкинули после смерти. Пальцы убитого были сжаты с посмертным окоченением. Значит, он держал ее сам. Сознательно. Или в последней судороге, если хотел кому-то что-то передать.

Ей.

Или тому, кто поймет, что это ее знак.

Но зачем? Почему именно она? Имел ли Ивар Меллен к ней отношение раньше? Имя не показалось знакомым. Секретарь второго отдела Канцелярии — одна из тех должностей, что существуют в тени и всплывают лишь тогда, когда от них остается труп.

В замке снова повернулся ключ.

Элина обернулась резко.

На пороге стоял лорд-комиссар Терс. Один. Без стражи. За его спиной виднелся коридор, пустой и тусклый.

— Надеюсь, вас здесь не обидели, — сказал он.

— Для полноценного ответа мне не хватает сравнения с тем, как вы обращаетесь с невиновными.

Терс прикрыл за собой дверь.

— Хорошо. Значит, силы на язвительность у вас еще есть.

— А вы рассчитывали, что я впаду в обморок? Боюсь, для удобства следствия я воспитана слишком плохо.

Он прошел к столу и положил на него тонкую папку, не садясь.

— Мне нужно, чтобы вы ответили на несколько вопросов.

— Мне тоже нужно многое, лорд-комиссар. Например, понять, на каком основании я заперта.

— На основании гибели сотрудника Тайной канцелярии, при котором обнаружена ваша личная печать.

— Это я уже слышала. Но обвинения пока не слышу.

Терс посмотрел на нее внимательнее.

— Вы хотите формулировку?

— Предпочитаю знать, в какую именно пропасть меня сталкивают.

Он помолчал несколько секунд, будто решая, сколько правды можно ей выдать.

— Если Ивар Меллен действительно нес бумаги особой важности, а вы должны были стать их получателем, — произнес он наконец, — это может быть истолковано как связь с закрытым расследованием Канцелярии. В худшем случае — как участие в утечке сведений. Или как измена интересам короны.

Элина почувствовала, как холод подступает к позвоночнику.

Не потому, что испугалась самого слова. За последние годы она не раз слышала его в чужих делах и знала цену подобным обвинениям. А потому, что теперь увидела всю схему целиком. Ее не просто хотели опозорить. Ее собирались утопить так глубоко, чтобы не всплыла.

— Удобно, — тихо сказала она. — Из лекарки сделать изменницу. Из печати — доказательство. Из развода — красивое прикрытие.

— Вы полагаете, эти события связаны?

— А вы нет?

Он не ответил. Это было красноречивее любых слов.

— Скажите мне главное, — продолжила Элина. — Меллен шел ко мне?

— Мы не знаем.

— Но вы допускаете.

— Допускаю, что кто-то очень хотел, чтобы мы это допустили.

Она медленно кивнула. По крайней мере, Терс видел то же, что и она. Уже что-то.

— Зачем вы пришли один? — спросила Элина.

— Чтобы предложить вам выход.

Она невольно улыбнулась.

— Прекрасно. Обычно подобная фраза звучит перед самым неприятным выбором.

— Так и есть.

Терс открыл папку. Внутри лежало несколько листов, исписанных быстрым, четким почерком.

— Формально я могу передать дело в суд уже до утра, — сказал он. — К рассвету будет готово предварительное обвинение. Ваш дом уже опечатан. Люди допрашивают слуг. Если кто-то из них солжет или испугается, это только ухудшит ваше положение.

— Вы весьма искусно умеете подбадривать.

— Я не подбадриваю. Я сообщаю, насколько близко вы стоите к краю.

Элина молчала.

— Но есть и другой вариант, — продолжил Терс. — Смерть Меллена слишком неудобна, слишком точна и слишком своевременна. Мне не нравится, когда преступление похоже на хорошо поставленную сцену. А значит, мне нужен человек, который умеет видеть то, что другие пропустят.

Он наконец сел напротив.

— Мне нужна ваша работа, леди Вальк.

Элина смотрела на него, не моргая.

— Моя работа? Вы только что объявили меня почти изменницей.

— Не я. Обстоятельства.

— Простите. Обстоятельства, у которых ваш голос и подпись.

Терс склонил голову, будто принимая удар.

— В обмен на сотрудничество я приостанавливаю передачу дела в суд. Официально вы остаетесь под надзором Канцелярии как свидетель со спорным статусом. Неофициально — становитесь привлеченным судебным лекарем по делу Меллена.

— И вы ожидаете, что я соглашусь?

— Ожидаю, что вы достаточно умны, чтобы понять: это единственный способ не дать себя похоронить к полудню.

Элина отвела взгляд к окну. За решеткой была черная дворцовая стена и полоска ночного неба.

Суд.

Допросы.

Императорский двор.

Сплетни.

И она — одна, с украденной печатью и мертвым чиновником в придачу.

Терс не лгал. Выбор действительно был из тех, которые не выбирают, а только называют.

— Какие у меня полномочия? — спросила она после паузы.

— Осмотр тела. Работа с уликами. Доступ к первичным протоколам. Право задавать вопросы свидетелям в моем присутствии или в присутствии уполномоченного офицера.

— И кто станет этим офицером?

Терс не ответил сразу.

Элине и не нужно было ждать.

Холодная догадка уже поднялась в ней, как вода.

— Нет, — сказала она, прежде чем он произнес имя. — Только не говорите, что...

— Силовое прикрытие расследования возглавит генерал Арден Вальк.

Она тихо рассмеялась.

Смех вышел коротким, почти беззвучным, и оттого еще более горьким.

— Разумеется.

Терс сложил руки на столе.

— Генерал отвечает не только за безопасность. Меллен вез бумаги, связанные с одной из северных кампаний. Там могут быть имена офицеров, допуски, военные архивы. Без Валька мне это дело не удержать.

— Как удобно для него, — сказала Элина. — Развестись со мной на глазах у двора, а через час получить право сопровождать меня на допросы.

— Вам кажется, он этого хотел?

— Мне уже давно кажется многое, лорд-комиссар. И почти никогда мне не объясняют, где я ошиблась.

Терс встал.

— Я не требую от вас доверия к генералу. Только работы.

— А если я откажусь?

— Тогда к утру вас переведут в тюремное крыло, а днем соберут закрытое слушание. При нынешних уликах ваши шансы назвать себя невиновной будут... скромны.

Он говорил без нажима, но именно эта сухость делала угрозу безупречной.

Элина подошла к умывальнику, налила воды, сделала один глоток и только потом обернулась.

— Мне нужны мои инструменты, — сказала она. — Не те, что у вас в больничной кладовой, а мои собственные. И доступ к телу до того, как ваши усердные помощники превратят его в набор чужих догадок.

— Инструменты уже везут из вашего дома.

— Из моего разгромленного дома.

— Из вашего дома, который мы старались опередить раньше тех, кто искал там то же, что и мы.

Эта фраза заставила ее вскинуть глаза.

— Значит, вы все-таки опасались не меня.

— Я опасаюсь всех, кто сегодня двигается слишком быстро, — ответил Терс. — Включая тех, кто умеет действовать под прикрытием дворцовых торжеств.

Он направился к двери, но Элина остановила его:

— Еще одно условие.

— Слушаю.

— Я не стану выполнять ваши приказы вслепую. Если вы утаите от меня то, что влияет на ход расследования, я прекращу работу. И тогда можете отправлять меня хоть в суд, хоть к палачу.

Терс посмотрел на нее пристально, как смотрят на хрупкий на вид клинок, проверяя, не согнется ли.

— Вы ставите условия в весьма неудобном положении.

— И все же ставлю.

— Хорошо. В пределах разумного.

— И я хочу знать, в чем именно подозревали Меллена до его смерти.

Комиссар помолчал.

— В том, что он мог выносить документы из закрытого архива не по приказу, — сказал он наконец. — Больше пока ничего.

— Вот видите. Мы уже начали работать.

На этот раз уголок его рта действительно дрогнул.

— Через четверть часа вас проводят в нижнее анатомическое крыло. Там подготовят стол.

— А генерал?

— Уже ждет.

Когда дверь за Терсом закрылась, Элина несколько секунд стояла неподвижно.

Значит, так.

Не тюрьма, а поводок. Не свобода, а отсрочка. Не доверие, а вынужденный союз с человеком, который еще не успел остыть в ее памяти настолько, чтобы перестать ранить одним взглядом.

Она медленно выдохнула.

Хорошо.

Если кто-то решил сделать ее главным удобным именем в этом деле, он просчитается. Потому что охотиться на чужую ложь она умела не хуже, чем вскрывать грудную клетку.

Нижнее анатомическое крыло дворца располагалось под старой лечебницей — там, где когда-то держали зимние запасы льда и где стены круглый год отдавали сыростью. Сюда редко допускали посторонних, и даже придворные врачи предпочитали бывать здесь как можно реже: слишком тихо, слишком холодно, слишком явно пахло не жизнью, а тем, что от нее остается.

Элина спустилась по каменной лестнице в сопровождении того же старшего стража. На последнем пролете он посторонился, пропуская ее вперед, и в этом жесте было больше уважения, чем она ожидала после недавнего ареста.

Дверь в зал для вскрытий уже стояла открытой.

Внутри горели три лампы под матовыми колпаками, давая ровный белесый свет. В центре зала на длинном столе под накрытым полотном лежало тело Меллена. У дальней стены —

шкафы с инструментами, таз с водой, стойка с чистыми полотенцами. Возле окна, узкого и высоко поднятого, стоял Арден.

Он не обернулся сразу, хотя, разумеется, услышал ее шаги.

Элина остановилась у порога.

Сегодня она уже видела его в мундире победителя, в тени часовни, под приказом об аресте. Здесь, среди камня и металла, он выглядел еще чуждее и опаснее: слишком живой для места, где правду добывают у мертвых.

— Все готово, — произнес Арден, не поворачивая головы. — Никто не войдет без вашего разрешения.

— Моего? — спросила Элина. — Как щедро.

Теперь он все-таки обернулся.

— Вашего, — повторил он. — Пока вы работаете.

Она прошла мимо него к столу.

— Сколько продлится эта внезапная милость?

— Пока вы не закончите.

— А потом?

— Потом будет зависеть от того, что вы найдете.

Элина взялась за край полотна.

— Вы умеете говорить так, что любая фраза звучит и как помощь, и как угроза.

— А вы умеете слышать в помощи только угрозу.

Она подняла на него глаза.

— После сегодняшнего вечера это неудивительно.

Между ними повисла тишина. Не пустая, а плотная, до боли знакомая. Такая часто возникала в последние месяцы их брака: оба знали, что разговор нужен, оба понимали, что он ничего уже не исправит, и потому молчали дольше, чем следовало.

Элина отвернулась первой.

— Мне нужны горячая вода, чистые перчатки и письменник. Я буду диктовать наблюдения.

— В зале никого нет, кроме нас.

— Значит, будете писать вы.

Арден едва заметно повел бровью.

— Это приказ?

— Нет. Последствие вашего приказа в часовне.

Он подошел к боковому столу, взял планшет и перо. Этот почти бытовой жест почему-то резанул сильнее, чем грубость. Некогда она знала его руки иначе: на узде, на эфесе, у камина, на своей талии в те редкие мирные вечера, когда они еще умели быть рядом. Теперь эти же руки будут записывать ее слова над мертвецом.

— Начинайте, — сказал Арден.

Элина надела перчатки и откинула полотно.

Лицо Меллена в холодном свете стало еще более серым. Возраст — около сорока, худощавый, без следов тяжелого физического труда. Под левым ключичным краем — колотая рана. Кровь уже почернела.

Она осматривала тело не торопясь. Сначала кожу, цвет губ, тонкие сосудистые пятна. Потом ногти. Потом волосы, еще влажные, но уже подсохшие у корней.

— Пишите, — сказала она. — Внешний осмотр. Мужчина, приблизительно тридцати восьми — сорока двух лет. Смерть наступила менее двух часов назад. Имеется колотая рана в грудной клетке. Предварительно: удар нанесен после частичной утраты подвижности.

Перо заскрипело по бумаге.

— На правом запястье — след магического воздействия. Не ожог от бытового заклинания. Импульс был направлен на обездвиживание. Возможен кратковременный паралич.

— Это редкая практика? — спросил Арден.

— Для придворного убийства — нет. Для драки в переулке — да.

Он ничего не сказал. Лишь перо задержалось на миг.

Элина продолжила осмотр. Осторожно подняла рукав, провела пальцами по ткани, снова увидела серебристую пыль, теперь уже отчетливее.

— След архивного порошка подтверждается. Значит, он действительно имел доступ к закрытым документам либо соприкасался с пакетом, проверенным порошком на вскрытие.

— Меллен служил во втором отделе, — сказал Арден. — Они работают с внутренними сводками и допусками.

— Значит, либо он вынес не то, что должен был, либо кто-то хотел, чтобы мы так подумали.

Она нагнулась ниже, всмотрелась в ворот рубашки и замерла.

— Свет, — сказала тихо.

Арден подошел ближе и поднял лампу.

Элина увидела на внутренней стороне воротника едва заметный полукруглый след — тонкий, почти смазанный. Не кровь. Не грязь. Что-то светлое, как известь, но с зеленоватым отливом.

Она осторожно коснулась пятна.

Пальцы ощутили зернистость.

— Это не дворцовая пыль, — произнесла она. — И не каменная крошка из часовни.

— Тогда что?

Элина не ответила сразу. Вместо этого распустила шнуровку кафтана на груди мертвеца, проверила кожу ниже раны, затем выше, под самым горлом. На основании шеи выступали еле заметные следы трения. Будто жесткий воротник или ремень долго давил на одно место.

Она выпрямилась.

— Перед смертью его куда-то везли.

— Вы уверены?

— Пока нет. Но уже подозреваю.

Арден смотрел на нее внимательно, не моргая. Когда-то этот взгляд согревал. Сейчас он требовал правды без слов.

— Продолжайте, — сказал он.

Элина взяла тонкий нож, сделала первый разрез. Работа мгновенно отсекала все лишнее. Оставались только движение руки, глубина надреза, точность, порядок. Мир сузился до стола и тела, которое уже не умело лгать.

Время потеряло очертания.

Она вскрыла грудную клетку, осмотрела повреждения, нашла траекторию удара. Да, нож вошел уверенно, но не из фронтальной схватки. Убийца бил, когда Меллен уже был ослаблен и, вероятно, не мог сопротивляться. Однако и это было не главным.

Главное она заметила позже, когда перешла к легким.

Элина замерла, потом сняла одну перчатку и прижала пальцы к переносице.

— Что? — сразу спросил Арден.

Она подняла на него глаза.

— Здесь почти нет того, что должно быть после смерти от удара в грудь, нанесенного в часовне.

— Говорите яснее.

— Я и говорю ясно.

Она снова склонилась над телом, проверяя себя, чтобы не поторопиться. Нет, ошибки не было. Ткани говорили одно и то же. Она взяла чистую салфетку, осушила участок, осмотрела еще раз.

— Слушайте внимательно, — сказала Элина. — Если человека убивают на месте, где мы его находим, следы распределяются иначе. Здесь же рана нанесена уже после того, как основное поражение организма началось раньше. И не здесь.

Арден подошел еще ближе.

— Вы хотите сказать, ножом его только добили?

— Возможно. Или раной оформили смерть так, как было удобно показать. Но не она стала началом. И не часовня стала местом нападения.

Он медленно опустил планшет.

— Тогда где?

— Пока не знаю. Но есть еще кое-что.

Элина указала на внутреннюю сторону левого предплечья.

Под тонкой кожей проступали почти незаметные точечные кровоизлияния — не от болезни и не от случайного ушиба. Так выглядели следы тугой фиксации, если человека удерживали какое-то время на жесткой поверхности или в ремнях.

Арден побледнел едва заметно, настолько, что другой бы и не увидел.

— Это вам что-то напоминает? — спросила Элина.

Он слишком быстро ответил:

— Нет.

Ложь она узнала сразу.

Не по словам. По паузе перед ними.

Элина отложила инструмент.

— Генерал, если вы и дальше будете скрывать то, что знаете, я прекращу работу прямо сейчас.

Он молчал.

За дверью было тихо. Так тихо, что она слышала потрескивание лампы.

— Я не скрываю, — произнес Арден наконец. — Я проверяю, насколько вы уверены.

— Я достаточно уверена, чтобы сказать вам следующее: в часовне Меллена не убивали. Его перенесли туда уже после того, как с ним работали в другом месте. Возможно, допрашивали. Возможно, удерживали силой. А нож в грудь — это не начало, а завершающий штрих.

Арден медленно выдохнул.

— Значит, преступник хотел не просто подставить вас.

— Да. Он хотел подменить само расследование с первой минуты.

Она стянула испачканные перчатки и бросила их в медный таз.

Внутри поднималось знакомое, холодное возбуждение охотника, который внезапно увидел в темноте не одну, а две дорожки следов. Страх не исчез. Унижение не исчезло. Обида на Ардена тоже никуда не делась. Но над всем этим уже поднималась работа — та самая ясность, ради которой она когда-то выбрала свое ремесло.

— Пишите в протокол, — сказала Элина.

— Говорите.

Она посмотрела на тело, потом на Ардена.

— Первое предварительное заключение: смерть Ивара Меллена наступила не в часовне. Убитого перенесли туда после нападения.

Перо не коснулось бумаги.

Арден поднял на нее взгляд, и в нем впервые за весь этот вечер мелькнуло не отчуждение и не расчет, а настоящая тревога.

Потому что теперь дело стало опаснее для всех, кто стоял слишком близко к дворцу.

Глава 3. Пепел на когтях

Несколько долгих секунд после ее слов в зале стояла тишина.

Арден держал перо над листом, но не писал. Свет лампы лежал на его пальцах, на темном рукаве мундира, на металлическом крае планшета, и все это казалось странно неподвижным, будто остановилось не только время, но и сама возможность сделать следующий шаг.

Элина первой отвела взгляд.

— Записывайте, генерал, — сказала она ровно. — Или вы предпочитаете, чтобы я повторила это при лорде-комиссаре?

Перо наконец коснулось бумаги.

— Я записал, — произнес Арден.

Она кивнула и снова посмотрела на тело Ивара Меллена.

Теперь, когда первая, самая грубая ложь была вскрыта, мертвец словно сделался откровеннее. Такое иногда случалось: стоило найти неверную ноту в общей картине, и остальные фальшивые звуки начинали проступать сами собой. Надо было только не торопиться.

Элина взяла тонкую костяную лопаточку, подвинула ближе лампу и склонилась над правой рукой Меллена. След магического поражения на запястье она уже видела, но раньше не успела рассмотреть его как следует. В часовне слишком многое давило со всех сторон — и чужие взгляды, и ее собственный стыд, и Арден, стоявший так близко, будто прошлое можно было потрогать рукой.

Здесь было легче. Здесь говорило только тело.

На внутренней стороне запястья темнел узкий, почти изящный ожог. На первый взгляд — обычный след обездвиживающего удара. Но чем дольше Элина всматривалась, тем сильнее ей не нравилась его форма. Ожог не расплывался, как бывает после грубого заклинания. Он шел тремя короткими дугами, сходящимися у основания ладони, будто кто-то прижал к коже не пламя, а раскаленный знак.

Она осторожно провела лопаточкой вдоль края следа.

На белую эмалированную пластинку осыпалась едва заметная темная пыль.

Не сажа. Не обычный обугленный налет.

Пыль поблескивала крошечными серебристыми искрами.

Элина замерла.

— Что вы нашли? — спросил Арден.

— Пока только подтверждение, что мне не понравилось это запястье еще в часовне.

Она не подняла головы.

— Подайте чистую чашку. И воду. Немного.

Он молча исполнил просьбу. Когда фарфоровая чашка оказалась у нее под рукой, Элина осторожно стряхнула в нее темную пыль и добавила несколько капель воды. Обычная гарь растворилась бы серым облаком. Эта же сначала легла на дно, потом медленно поднялась, распускаясь тонкими нитями, и в прозрачной воде проступил едва различимый графитовый отлив.

Элина почувствовала, как внутри нехорошо холодеет.

— Вы это узнаете? — спросил Арден.

Теперь она подняла на него глаза.

— Боюсь, да.

Он стоял очень прямо. Слишком прямо. Так обычно стоят люди, которые уже заранее понимают ответ, но хотят услышать его вслух.

— Это пепельный след, — сказала Элина. — Не бытовая магия. Не дворцовая охрана. И не работа обычного боевого мага.

— Объясните.

Она снова опустила взгляд к чашке.

— Некоторые способы драконьего воздействия не оставляют сильного наружного ожога. Сила проходит глубже: перехватывает мышцы, сбивает дыхание, лишает человека возможности сопротивляться, но не убивает сразу. Если заклинание применено точно, на коже остается такой след — тонкий, сухой, с графитовым налетом. — Элина на секунду умолкла. — В лечебницах столицы мы видим это редко. Почти никогда. Потому что подобные вещи не входят в открытые военные инструкции.

Арден не произнес ни слова.

Она почувствовала его молчание кожей.

— Зато я видела это однажды, — продолжила Элина. — После северной кампании. К нам привезли троих солдат с одинаковыми повреждениями. В бумагах было сказано: последствия магического обрушения на переправе. Но следы на коже говорили о другом. Тогда мне велели подписать заключение и забыть. Очень настойчиво велели.

Лицо Ардена не изменилось, но воздух между ними как будто стал плотнее.

— Вы уверены, что это то же самое? — спросил он.

— Если бы не была уверена, не сказала бы.

Она поставила чашку под лампу и тонкой иглой размешала осевшую пыль. На поверхности воды вспыхнул слабый красноватый отблеск — короткий, как дыхание тлеющего угля.

Да.

Ошибки не было.

Элина медленно выпрямилась.

— Эта техника доступна только драконам? — спросила она.

— Да.

— Всем?

— Нет.

— Скольким?

Арден ответил не сразу.

— Немногим.

— Это не число, генерал.

Он посмотрел на нее так, будто выбирал, какую часть правды можно отдать, не разрушив чего-то большего.

— Техника узкая, — произнес он наконец. — Требуется не только силы, но и контроля. Ошибка в долю дыхания — и человек умирает раньше, чем успевает открыть рот. Ей учат не всех.

— Кого тогда?

— Тех, кому дают право брать живых.

Элина почувствовала, как лопаточка в ее пальцах стала ледяной.

— Значит, Меллена не просто остановили, — тихо сказала она. — Его брали для допроса.

Арден ничего не ответил. Но и отрицать не стал.

Она снова повернулась к телу. Теперь многое складывалось лучше: и следы фиксации на руках, и отсутствие решающей кровопотери от ножевой раны, и ремненное давление на шею, и влажные волосы, словно человека держали в сыром подполье или перевозили через холод.

Элина осторожно раскрыла левую ладонь убитого и только теперь заметила то, что раньше скрывали тени и засохшая кровь. У основания ногтей, особенно на указательном и среднем пальцах, темнели едва заметные частички той же самой графитовой пыли.

Нет.

Не совсем той же.

Она поднесла руку ближе к свету.

В пыли у ногтей поблескивали не только серебристые искры, но и крошечные чешуйчатые крупницы, будто облетевший лак с металла или обожженная чешуя, перетертая в прах.

— Подойдите, — сказала Элина.

Арден приблизился. Его тень легла на стол.

— Смотрите. Под ногтями.

Он наклонился, и она услышала, как изменилось его дыхание — совсем чуть-чуть, но достаточно, чтобы понять: увидел.

— Он сопротивлялся, — сказала Элина. — И пытался схватить того, кто его удерживал.

— Или то, что его удерживало.

Элина повернула голову.

— Что вы имеете в виду?

— Не всякий дракон использует руки одинаково, — произнес Арден. — Иногда магия ложится через перчатки, через боевые накладки, через когтевые усилители. В северных подразделениях были разные способы.

Были.

Значит, все-таки север.

Она выпрямилась медленно.

— То есть вы знаете, откуда это.

— Я знаю, на что это похоже.

— Это не одно и то же.

— В нашей жизни, — сказал Арден, — чаще всего одно и то же именно это.

Элина сдержала резкий ответ. Сейчас ей было важнее, чтобы он продолжал говорить.

— Где именно вы видели такие следы? — спросила она.

Он отвернулся на полшага, глядя не на нее, а на дальнюю стену, где на крюке висело чистое полотенце.

— На севере, — произнес он. — После дела на Седьмой переправе.

Название ничего не сказало бы большинству людей при дворе. Но Элина слишком давно жила рядом с военным человеком, чтобы не узнать интонацию, с которой произносят вещи, о которых официально не говорят. Седьмая переправа. Не битва. Не осада. Не победа, воспетая трубами. Что-то иное. Что-то, спрятанное в сухом названии.

— Это было закрытое дело? — спросила она.

Арден молчал.

— Значит, да.

— Вам не следует спрашивать дальше.

— А вам не следовало объявлять мне развод при всем дворе, однако это вас не остановило.

Он резко повернулся к ней.

И впервые за весь этот вечер на его лице проступило не ледяное самообладание, а живая усталость.

— Вы думаете, я сделал это потому, что хотел причинить вам боль?

Элина смотрела на него прямо.

— Я думаю, вы сделали это так, как делают все мужчины власти: выбрали момент, удобный вам. А что будет со мной после, посчитали второстепенным.

В его глазах что-то дрогнуло. Но лишь на миг.

— Если бы я ставил удобство выше вас, — тихо сказал Арден, — вы бы уже были в тюремной башне, а не здесь.

Слова прозвучали спокойно, но в них было столько скрытого напряжения, что Элина почувствовала, как сердце сбивается с ровного ритма.

Она не должна была слышать в этой фразе ничего, кроме очередной попытки управлять ею.

И все же услышала.

Это рассердило еще сильнее.

— Тогда облегчите мне задачу, генерал, — произнесла она холодно. — Скажите прямо: какое отношение имел Меллен к вашей Седьмой переправе?

Арден опустил взгляд на мертвого чиновника.

— Непрямое.

— Значит, прямое.

Он почти усмехнулся, и эта слабая, безрадостная тень прежней усмешки ранила ее почему-то сильнее любого резкого слова.

— Меллен был прикреплен к полевому трибуналу после завершения операции, — сказал он. — Вёл списки, акты, допуски к хранилищу. Человек без звания, но с хорошей памятью и аккуратной рукой.

— И теперь он мертв, — произнесла Элина. — С редким следом драконьей техники, которую официально не существует.

— Да.

— И с архивным порошком на рукаве.

— Да.

— И с вашей войной за плечами.

На этот раз Арден не ответил вовсе.

Элина почувствовала, что подобралась к чему-то опасному. Не к разгадке — до нее было еще далеко, — а к краю той тьмы, которую все вокруг старательно обходили. Если Меллен был связан с закрытым трибуналом, если его допрашивали перед смертью именно так, значит, из старого дела кто-то вырывал либо свидетелей, либо документы, либо обоих сразу.

Она снова склонилась над телом.

У основания шеи, там, где раньше ей виделись лишь следы ремня, сейчас проступило еще кое-что. Под определенным углом света на коже мерцала тонкая темная полоска, как будто от прикосновения обожженной металлической кромки.

Элина провела ногтем рядом, не касаясь.

— Лампу ниже, — сказала она.

Арден молча поднял свет.

Полоска оказалась не сплошной. Она дробилась на три коротких штриха, одинаково удаленных друг от друга.

Три.

Как и на запястье.

Как будто одно и то же воздействие повторилось в двух точках тела.

— Странно, — пробормотала Элина.

— Что именно?

— Для простой фиксации это слишком точно. — Она прищурилась. — И слишком... знакомо.

Последнее слово вырвалось раньше, чем она успела его остановить.

Арден чуть помедлил.

— Знакомо вам или мне?

Элина не ответила.

Потому что в этот момент память ударила слишком ясно.

Не полевая лечебница. Не трое северных солдат. Не старые, подчищенные отчеты.

Другое.

Поздняя осень два года назад. Их дом. Арден вернулся после трехдневного отсутствия, молчаливый, с рванным краем рукава и ожогом вдоль кисти. Он не позволил вызвать другого лекаря. Сел у окна и протянул ей руку — упрямо, нехотя, как делал всегда, когда был ранен сильнее, чем хотел показать.

Тогда на его коже, у основания большого пальца, она видела тонкий графитовый налет. Почти такой же. Только свежее. Она еще спросила, чем он обжегся, а он ответил слишком быстро: тренировочным контуром.

Он солгал.

Элина медленно выпрямилась.

Арден смотрел на нее в упор.

И, судя по тому, как резко потемнели его глаза, он понял: она что-то вспомнила.

— Отойдите от стола, — сказала она негромко.

— Зачем?

— Отойдите.

Он не двинулся.

Элина положила лопатку, взяла чашку с осевшей пепельной пылью и переставила ее ближе к краю стола.

— Дайте руку.

Молчание стало жестким.

— Элина, — произнес Арден очень спокойно, — вы сейчас делаете то, о чем потом можете пожалеть.

— Поздно бояться сожалений. Дайте руку.

Он медлил.

Потом, будто решившись на что-то неприятное, снял перчатку и положил ладонь на край стола.

Элина смотрела не на него — на его пальцы. Длинные, сильные, с тонкими белыми шрамами у костяшек. Эти руки умели убивать, защищать, удерживать, приказывать. Когда-то они умели и утешать. От этого воспоминания внутри кольнуло так внезапно, что пришлось сжать зубы.

Она подвинула чашку ближе к его ладони.

Сначала ничего не произошло.

Потом темная пыль на дне дрогнула.

Не от движения воздуха. Не от света лампы.

Пыль медленно стянулась к одному краю чашки и вспыхнула тремя крошечными багровыми точками.

Элина не шевельнулась.

Только холод, поднимавшийся от живота к груди, стал почти нестерпимым.

Арден тоже увидел.

Его пальцы едва заметно напряглись.

— Что это значит? — спросил он.

Она подняла глаза.

Теперь лицо Ардена было совершенно непроницаемым. Слишком непроницаемым. Как у человека, который уже знает ответ, но понимает, что произнесенный вслух он будет звучать иначе — хуже, опаснее, бесповоротнее.

Элина медленно поставила чашку на стол.

— Это значит, — сказала она, и собственный голос показался ей чужим, — что пепельный след на теле Меллена отзывается на вашу магию.

Между ними повисла пауза.

Не супружеская. Не человеческая.

Та, что возникает между дознавателем и тем, на кого внезапно указывает улика.

Арден не убрал руку.

— Скажите до конца, — произнес он.

Элина выдержала его взгляд.

— Этот след ведет не просто к северному делу, генерал, — сказала она тихо. — Он ведет прямо к вам.

Глава 4. Бывшие супруги под одной крышей

После ее слов тишина в зале для вскрытий стала почти невыносимой.

Арден не шелохнулся. Лишь медленно убрал руку от чашки и снова натянул перчатку — привычно, аккуратно, будто этим простым движением можно было вернуть миру прежние очертания. Элина стояла напротив, чувствуя, как в груди стучит кровь. Она слишком хорошо знала, что бывает после таких открытий: или человек начинает оправдываться, торопливо и грубо, или, наоборот, уходит в глухое молчание. Арден не сделал ни того, ни другого.

— Никому не повторяйте это, пока мы не поймем, что именно вы нашли, — произнес он наконец.

Элина коротко усмехнулась.

— Как удобно. Когда улика ведет ко мне, вы приказываете арестовать. Когда улика ведет к вам, просите осторожности.

— Я не прошу. Я предупреждаю.

— Чем именно? Тем, что вы опасны?

Он посмотрел на нее устало, почти тяжело.

— Тем, что вы сейчас стоите слишком близко к тому, о чем не должны были узнать.

Она стиснула пальцы так, что ногти больно впились в ладонь.

— Прекрасный ответ. Почти исповедь.

Арден покачал головой.

— Нет. Исповедь выглядела бы иначе.

Он взял со стола чашку, поднял к свету и некоторое время всматривался в темную воду, где уже погасли багровые искры.

— Отзывается не моя личная магия, Элина, — сказал он негромко. — Отзывается след командного контура.

Она нахмурилась.

— Говорите ясно.

— На Седьмой переправе использовали особые удерживающие техники. Закрытые. Те, о которых не пишут в обычных сводках. Все они были завязаны на один огневой образец — на сигнатуру командира операции. На мою.

Элина молчала.

Теперь сказанное не делало его невиновным. Напротив — лишь сильнее вплетало в дело. Значит, магический след на теле Ивара Меллена действительно шел из той же закрытой северной истории. Значит, человек, который держал Меллена перед смертью, либо сам был связан с Седьмой переправой, либо имел доступ к запрещенной технике, привязанной к Ардену.

— И сколько человек могли использовать такой контур? — спросила она.

— Немного.

— Сколько?

— Хватит, чтобы это стало плохой новостью. И слишком мало, чтобы я мог назвать это совпадением.

Элина опустила взгляд на тело.

— Вы сказали, Меллен был прикреплен к полемому трибуналу. Значит, он видел не только бумаги. Он видел и людей.

— Да.

— И вас тоже.

— Да.

Она вскинула голову.

— Тогда вы солгали мне. Вы знали его лучше, чем сказали.

Арден ответил не сразу. В свете лампы лицо его казалось усталым, почти резким, как у человека, который слишком давно не спал и слишком долго нес на себе чужую тайну.

— Я знал его достаточно, чтобы понимать, что он не из тех, кто ищет смерти, — произнес он. — И достаточно, чтобы догадываться: если Меллен полез в архивы сейчас, значит, кто-то его напугал сильнее, чем Тайная канцелярия.

— Почему вы не сказали этого сразу?

— Потому что вас уже вели к обвинению. А мне нужно было понять, кто успел сделать первый ход.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.